

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

МЕСТО ДИСЦИПЛИН ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2011 г. Станислав Александрович Егоров¹

Вопрос о месте историко-правовых наук в системе юридического образования в настоящее время пребывает в состоянии некоторой неопределенности. По традиции эти науки продолжают числиться в разряде фундаментальных. Фактически же им придается прикладное значение, отводится вспомогательная, по сути, общеобразовательная роль в деле подготовки юридических кадров.

В процессе бюрократического “переосмысления” системы подготовки правоведов, выработки новых образовательных стандартов наглядно продемонстрировано подлинное к ним отношение. В связи с некоторым пересмотром предметов преподавания в учебных планах юридических факультетов, на наш взгляд, именно дисциплинам историко-правового цикла не было оказано достаточного внимания. Что касается самого внедрения дисциплин, не имеющих причастности к праву, все это сильно смахивает на пресловутую камерализацию юридического образования 30–50-х годов XIX в., которая изрядно застопорила его развитие. Пагубность этой сугубо бюрократической затеи немецкого происхождения со временем была осознана.

Ныне совершаемое “перетряхивание” исторически сложившейся системы юридического образования иначе не назовешь, как перестройкой ради самой перестройки. Налицо тяготение к весьма сомнительным зарубежным образцам при явном игнорировании выдержавшего испытание временем опыта российской дореволюционной юридической школы. Тем самым повторяются и связанные с его отрицанием ошибки советского периода.

Много горьких уроков преподносила нам история, но, похоже, ничему нас так и не научила, хотя каждый ее шаг высвечивает вечную истину:

все творимое в отрыве от исторических традиций рано или поздно обрекается на неудачу. Только исторически выверенные ценности непреходяще значимы. Поэтому вопрос о научно-образовательном статусе историко-правовых дисциплин должен решаться в историческом плане, и прежде всего на основе обозрения того непростого пути, которым следовала, преодолевая тупиковые ситуации, дореволюционная юридическая традиция, прочно утверждая высокий статус истории права в системе подготовки правоведов.

Первой из историко-правовых наук в России получила самостоятельное значение “История русского права”. Начало ее научной разработки положено вышедшими в 20-е годы XIX в. трудами профессоров Дерптского университета И.Г. Эверса и А.М. Рейца, написанными на немецком языке и переведенными на русский И. Платоновым и Ф.Л. Морошкиным. Последний, являясь профессором Московского университета, выполняя поручение его Совета, в 1834–1835 гг. разработал учебный курс “Истории русского законодательства”. Но главная заслуга утверждения исторического направления в правоведении принадлежит киевскому профессору К.А. Неволину. Этот ученый, по заявлению М.Н. Капустина, “усвоивши науку права в том виде, в каком она преподавалась в германских университетах.., смело рукою принялся разрабатывать историю нашей юридической жизни и установил у нас историческое направление”². Среди работ К.А. Неволлина по истории русского права наиболее значим капитальный труд “История российских гражданских законов” (СПб., 1851).

Сравнительно быстрому становлению этой науки способствовала четко означенная позиция правительства. Дело в том, что Университетский устав 1835 г., закрепивший практический, прикладной характер подготовки правоведов, покончивший с преподаванием естественного права,

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук (Тел.: (4852) 72-83-82, (4852) 30-79-55).

² Капустин М.Н. Юридическая литература, 1855г. Обзорение // Русский вестник. 1856. Ч. 1. Кн. 2. С. 136.

прямо ориентировал на изучение законов вместе с историей их создания. На это же нацеливали циркуляры Министерства народного просвещения, возглавлявшегося С.С. Уваровым.

Подоплека придания столь высокого значения исторической части отечественного законовещения состояла в том, что возникла необходимость заполнения пустоты в науке права, образовавшейся вследствие ликвидации ее философской основы – естественного права. Кроме того, правительство полагало, что изучение юридической истории России позволит более ярко высветить связь православия, самодержавия и народности. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Хотя Устав 1835 г. не предусматривал в числе предметов преподавания “Истории русского права”, курс на перестройку юридического образования в заданном направлении последовательно приводился в жизнь. Министр С.С. Уваров при посещении Московского университета прямо предписывал профессорам юридического факультета шире применять исторический метод в преподавании всех факультетских дисциплин³. Какой бы ни была подоплека этой перестройки, она открывала для российской юридической науки возможность прямого выхода на широкое историческое поле исследования. Сама же идея исторического подхода к исследованию отечественного права возникла и вызрела помимо и независимо от правительственных директив. Достаточно напомнить в этой связи, что уже в XVIII в. русские юристы (А.Я. Поленов и др.) осознавали бессмысленность изучения права в отрыве от его исторических корней. Нельзя также недооценивать и влияние исторической школы юристов на российскую правовую мысль. Но данная свыше установка, конечно же, стимулировала научный поиск в историческом ракурсе.

Со всеобщей историей права дело обстоит сложнее. “Если история русского права, – пишет И.А. Емельянова, – очень скоро превратилась в самостоятельную отрасль науки, то всеобщей истории права предстояло пройти долгий и трудный путь. В 30–50-х годах XIX в. закладывались только ее научные предпосылки, формировалась научная мысль, накапливался историко-правовой материал, и средствами к этому служили науки, официально допущенные уставом 1835 г. либо введенные впоследствии дополнительно”⁴. Все-

общая история права складывалась в русле развития “энциклопедии законовещения” и “истории римского права”. Важно в этой связи подчеркнуть, что К.А. Неволин, блестяще проявивший себя и как философ права, считал недопустимым изложение “энциклопедии законовещения” без необходимых исторических сведений.

Если история русского права как фундаментальная наука и учебная дисциплина получила закрепление в Университетском уставе 1863 г., то всеобщей истории права предстояло пребывать в состоянии неопределенности еще девять лет. Только в 1872 г. в Демидовском юридическом лицее по настоянию его директора – доктора международного права, теоретика и историка права М.Н. Капустина (1828–1899 гг.) впервые была открыта кафедра всеобщей истории права. М.Н. Капустин в бытность профессором Московского университета выпустил первое отечественное руководство по всеобщей истории права – “Очерки истории права в Европе” (М., 1866). Концепция этой науки получила завершение в труде М.Н. Капустина “История права. Ч. 1.” (Ярославль, 1872). К сожалению, основополагающий вклад этого ученого в разработку “Всеобщей истории права” должным образом не оценен. В новейших учебниках по истории государства и права зарубежных стран М.Н. Капустин вообще не упомянут. Исключение составляет “Всеобщая история права и государства” В.Г. Графского⁵.

Поскольку учебники выходят под разными названиями, законно возникает вопрос: как правильно называть фундаментальную науку, изучающую историческое бытие права в его всемирном масштабе? В госстандарте она прописана как “История государства и права зарубежных стран”. Неосновательность такого ее наименования совершенно очевидна. Оно не содержит идеи всеобщности, универсальности права, не нацеливает на его изучение в единстве многообразия. Именно этой идеей и была проникнута разработанная М.Н. Капустиным концепция всеобщей истории права. Ее основоположник – крупнейший педагог высшей школы прямо и определенно указывал на неполноценность научной подготовки правоведов без основательного их приобщения к “Всеобщей истории права”: “Высшее образование не может иметь ни надлежащей полноты, ни стройности в своих частях при таких важных опущениях в

³ См.: Емельянова И.А. Всеобщая история права” в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). Казань, 1988. С. 39.

⁴ Емельянова И.А. Указ. соч. С. 41.

⁵ См.: Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. Учеб. для вузов. М., 2003. С. 26.

системе преподаваемых наук, как отсутствие в преподавании всеобщей истории права”⁶.

Начало преподаванию третьей из дисциплин историко-правового цикла – истории политических учений в дореволюционной юридической школе положено Университетским уставом 1863 г. Эта наука получила основательную разработку в трудах Б.Н. Чичерина, Н.М. Коркунова, П.И. Новгородцева, Е.Н. Трубецкого и др. Все дисциплины цикла занимали достойное место в учебных планах университетов. Они имели годовые курсы. Наибольшее значение придавалось истории русского права. В ряде дореволюционных юридических школ эта дисциплина преподавалась в течение двух лет. Так, в Демидовском лицее на ее изучение на I курсе отводилось по шесть часов в неделю, на II – по три часа. Только для римского и гражданского права, заметим, учебные планы этого учебного заведения также предусматривали двухгодичные курсы.

Кроме того, дореволюционная система юридического образования исходила из концепции пронизывания всего образовательного процесса идеей исторического подхода к изучению права, т.е. предусматривала историко-догматическое построение всех лекционных курсов. Такое построение предполагало поэтапное в строгой исторической последовательности изучение юридических институтов, постепенное накопление конкретно-исторического материала, необходимого для их возведения в современное состояние. Шло это, разумеется, не от заданной Уставом 1835 г. установки, а от понимания того, что изучение институтов права вне динамики их исторического бытия, в их статическом состоянии не дает полного уяснения природы и жизненной обусловленности этих феноменов, в лучшем случае обеспечивает их запоминание, репродуцирование в памяти.

Поэтому все дореволюционные ученые-юристы (цивилисты, криминалисты, государственные, административисты и т.д.) были историками в своей области права. Более того, многие из них заявляли о вхождении в большую науку трудами по истории права применительно к своей научной специализации. Некоторые правоведы, например криминалист В.В. Сокольский и административист И.Я. Гурлянд, вообще не занимались догматической разработкой права.

Историческому изучению права, одним словом, придавалось широкое методологическое значение. “Не подлежит сомнению, – писал по этому пово-

ду М.Н. Капустин, – что многие стороны догмы права могут быть объяснены только его историей. Она (история) служит нередко единственным средством объяснить догматическое значение институтов”⁷. В том же духе высказывался и криминалист Г.С. Фельдштейн: “Без изучения исторического прошлого, без исследования институтов права в связи с бытом народа – без уяснения путей, которыми удовлетворялись потребности, невозможно полное понимание действующего права. Если и отбросить изучение прошедшего для определения национального духа права, то все-таки само собой понятно, что уяснение права в его настоящем совершенно немыслимо без предварительного анализа его исторических основ”⁸.

Таким образом, дореволюционную систему юридического образования можно упрекнуть в чем угодно, только не в недооценке значения дисциплин историко-правового цикла. Она обеспечивала органическое единение истории и права. Наша же система заслуживает серьезного упрека в том, что закрепляет господствующее положение в образовательном процессе догмы права.

Ныне осуществляемое преподавание историко-правовых дисциплин не есть в подлинном смысле историческое изучение права. Для большинства наших отраслевиков историческая жизнь права – покрытый плесенью отрезанный ломоть. Считая изучение права в его прошлом уделом его историков, они пребывают в убеждении, что интенсивным усвоением в научном ракурсе действующего законодательства всецело определяется становление юридически мыслящего правоведа. При такой системе преподавания, исключающей последовательные экскурсии в историю, юридическое мышление студентов оказывается заключенным в замкнутое пространство, из их поля зрения выпадает, как бы выдавливается юридической догмой видение глубинных процессов накопления правовой энергии, дающей праву силу действия. Вот почему в ходе преподавания специальных дисциплин следует периодически оживлять в памяти студентов полученные ими ранее основные сведения относительно ключевых моментов исторического формирования юридических институтов. Владение историческим ключом правопонимания – одна из важных составляющих юридическое мышления. К сожалению, до осознания этого нашими отраслевиками еще очень далеко. Только некоторые из них делают экскурсии в историю.

⁶ Цит. по: *Покровский С.П.* Демидовский лицей в г. Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. С. 182.

⁷ *Капустин М.Н.* История права. Ч. 1. Ярославль, 1872. С. 2.

⁸ *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909. С. 428.

И в связи с этим следует заметить, что отсутствие должного взаимодействия преподавателей различных дисциплин в образовательном процессе значительно снижает его эффективность.

Тот факт, что ни одна из дисциплин историко-правового цикла не выносятся на государственные экзамены, также свидетельствует о подлинном к ним отношении. Если экзаменационные билеты по общей теории права содержат некоторый минимум вопросов из истории политических и правовых учений, то таковой по специальным дисциплинам (гражданское, уголовное право) вообще отсутствует. Тем самым студенты заранее благословляются на освобождение памяти от того, что изучали на первых курсах, как от излишнего груза знаний, а следовательно, от пользования в процессе уяснения природы юридических институтов историческим ключом правопонимания. Поэтому на государственных экзаменах наиболее наглядно проявляется историко-правовое “недоразвитие” выпускников и связанное с ним “недоразвитие” общеправовое. Отсюда – упрощенная трактовка сложных процессов правообразования сдающими экзамены, недооценка самостоятельного значения и творческой силы обычного права, возведение в степень аксиомы расхожей формулы: с образованием государства место юридического обычая заступает закон. При этом начисто игнорируется тот факт, что ни в IX, ни в X вв. древнерусская государственность не имела в своем арсенале законодательных актов. Греки уважительно называли “русским законом” обычно-правовые установления и правовые традиции русичей.

Забывается в этой связи и о том, что русское государственное право на протяжении целых восьми веков выступало в форме обычного права. Не знали законодательного определения ни Боярская дума, ни приказы, ни Земские соборы, ни система местничества, ни институт престолонаследия. Только в период царствования Петра I появились соответствующие учредительные указы и регламенты.

Из поля зрения большинства выпускников, таким образом, выпадает историческая жизнь права, дающая возможность конкретно проследить многовековое бытие обычного права, исторические моменты его противостояния закону, зафиксировать действие непреодолимой силы правопреобразования и правовой традиции, осознать важность участия общества в отправлении правосудия как гарантии защищенности личности. Изучение истории права утверждает в мысли, что всякая забота о благополучии человека, имеющая

ценой ограничение его свободы, обезличенность, противоправна. Государственно-правовой аспект истории Отечества позволяет объективно оценить особенности его демократических традиций, развеять миф о его бедности в этом отношении. Историческое изучение правовых явлений убеждает нас в том, что сила права не в принудительном характере его предписаний, а в осознании их обязательности, в понимании большинством людей невыгодности для себя и опасности схождения с правового пути.

Особенно показательны в этом отношении древнерусские памятники права: Русская Правда и Псковская Судная Грамота. Большинство их статей, относящихся к гражданскому праву и судопроизводству, не связывая свободы действий, разумно предупреждают всех и каждого о негативных последствиях игнорирования требований закона.

Правовые порядки наших предков, продиктованные общественным правосознанием, были сориентированы на обеспечение правовой защиты тех, кто в ней прежде всего нуждается. Именно таким и должно быть всякое право, призванное служить торжеству идеалов правды и справедливости. Если даже взять уголовное законодательство наших предков, то и здесь нетрудно убедиться в том, что оно в основном было нацелено на защиту естественных прав личности, а не интересов так называемых господствующих классов и даже государства.

“В Русской Правде, – писал видный русский криминалист В.Н. Ширяев, – система преступных деяний не выходит из тесного круга посягательств на права и интересы отдельной личности”⁹.

Глубокого уважения заслуживает древнерусское послушество как общественное стояние за правду, против неправды, за торжество правового дела. На его силе основан институт поклепной виры. На весах правосудия в Древней Руси (о чем убедительно свидетельствует этот институт) взвешивались не столько доказательства, как таковые, сколько личностные качества человека, представшего перед судом (но не признавшего себя виновным), сумма его добрых дел. И повальный обыск Московского государства был в известном смысле продолжением древнего послушества, поскольку участь подозреваемого в преступлении во многом зависела от его доброго имени, от общественного мнения о нем.

⁹ Ширяев В.Г. Участие общества в борьбе с преступностью. Минск, 1926. С. 6.

Юридические институты в их историческом развитии наглядно убеждают нас в том, что субстанция права создается самой жизнью, потребностями человеческого общения, а не государством в лице его властных структур. Именно вековой практикой общения, а не усилиями законодателя сформированы такие институты, как послушество, поклепная вира, свод и гонение следа, суд двенадцати человек, повальный обыск и др. Эти институты содержат в себе действенные механизмы защиты от неправосудия. К сожалению, авторами ряда учебников и учебных пособий правовые порядки Древней Руси продолжают рассматриваться под классовым углом зрения. Преодоление этой классовой предвзятости – одна из ключевых задач историко-правовой науки. В плане ее решения необходимо ориентировать (авторы учебников почему-то этим пренебрегают) студентов на обращение к трудам дореволюционных юристов, не страдавших, подобно нам, заикленностью на стереотипах классового подхода. Нашей учебно-методической литературе не хватает также нацеленности на уяснение общеправовых проблем на основе конкретно-исторического материала.

История высвечивает грани несовпадения права и закона. Упорное стояние многих современных юристов на позиции их отождествления – от неуяснения жестких реалий исторической действительности, являющей множество примеров грубого вторжения закона в сферу правды и справедливости. К явным антиподам права относятся акты законодательного прикрепления населения к земле, посадку, колхозу, предприятию, уголовная ответственность за распространение посредством печати о ком-либо правдивых сведений компрометирующего характера, принуждение к труду.

Наконец, уже никак не вписывается в правовое поле уголовное и уголовно-процессуальное законодательство сталинского режима, служившего надежной базой для проведения массовых репрессий. Посредством закона из сферы правового общения устранялись такие основополагающие принципы, как неприкосновенность личности, презумпция невиновности, непридание более жесткому закону обратной силы. Игнорирование последнего имело место и в послесталинский период советской истории.

Нелишним будет отметить, что наши предки на уровне обыденного сознания хорошо различали право и закон, видя в последнем акт государственного принуждения, насилия, стеснительной полицейской регламентации всех сфер жизнедеятельности, своего рода удавку. Видение этого было присуще отнюдь не только угнетаемым слоям

населения, но и представителям привилегированных сословий общества. В этой связи нельзя не вспомнить провалы попыток составления нового Уложения законов в XVIII столетии. Одна из весомых тому причин – нежелание дворян и купцов участвовать в комиссиях по систематизации законов, чуждых общественному правосознанию.

Исторический аспект исследования институтов права и государства важен в плане решения стоящих перед современной юридической наукой теоретических и философско-правовых проблем, таких как соотношение права и нравственности, права и политики, а также проблемы определения места и значения принуждения в системе признаков и отличительных особенностей права и т.д.

История убеждает нас и в том, что сила права – в постоянстве законодательных установлений. Этого разумного постоянства, заметим, явно не хватает правовой системе современной России.

История приобщает нас и к пониманию того, что в процессе формирования политических и правовых систем совокупно участвует широкий круг событий, обстоятельств, объективных и субъективных факторов, что последним принадлежит в этом процессе отнюдь не определяющая роль.

Историческим изучением права наряду с научным становлением во многом определяется и формирование личности юриста. На этой основе воспитывается и непримиримое отношение обучающихся к законодательному насаждению бесправия, бесчеловечности, неправосудия, мракобесия, к актам административного произвола, вандализма, откровенного палачества, ярко запечатленным на исторических скрижалях минувших эпох, в том числе и не столь отдаленных.

Все эти негативные примеры из прошлого обостряют чувство неприятия зла, жестокости и несправедливости, убеждают в необходимости решительного противостояния всем неправдам жизни, непримиримой борьбы за торжество правого дела. История вместе с тем воспитывает уважительное отношение к правовым и демократическим ценностям, жертвенно выстраданным многими поколениями людей, завоеванным в трудной борьбе, что само по себе обязывает всех и каждого, и особенно юриста, к святой заботе об их сохранении, субстанциональном упрочнении в общественном правосознании. Особо бережного отношения заслуживают судебные уставы 1864 г. как воплощение общечеловеческих идеалов правосудия. Преступно даже помышлять о возвраще-

нии к тому, что осуждено, отвергнуто историей как жестокое и бесчеловечное.

Таким образом, приходится констатировать, что научно-образовательный и воспитательный потенциалы историко-правовых наук нами используются далеко еще не в полной мере.

Конечно же, нельзя с сегодня на завтра, одним махом перестроить действующую ныне систему юридического образования, однако впредь следует не только решительно избегать сокращения учебных часов по историко-правовым дисциплинам, но и последовательно расширять объем их изучения за счет сторонних предметов преподавания. Хотя в последнее время стало отводиться больше часов на прохождение истории отечественного государства и права и истории государства и права зарубежных стран, но и эти дисциплины в большинстве классических университетов как не имели, так и не имеют годовых курсов, чем они наглядно обрекаются на изучение в “уплотненном” варианте – в плане *общего ознакомле-*

ния. Что же касается истории политических и правовых учений, то она продолжает оставаться на положении пасынка системы юридического образования. А ведь эта наука, являясь историей философии права, имеет высочайшую степень фундаментальности. На ее основе происходит приобщение студентов к познанию многовекового шествия философско-правовой мудрости человечества, уяснению непреходяще значимых (в плане научного становления правоведа) истин. Урезанием этого курса крайне ослаблен философско-правовой аспект подготовки правоведа. Общая теория государства и права, заметим – наука более догматическая, нежели философская.

Словом, обеспечение более основательной постановки изучения дисциплин историко-правового цикла, расширение фронта взаимодействия преподавателей фундаментальных и специальных юридических наук в образовательном процессе – наиболее рациональный путь повышения качества подготовки правоведа.